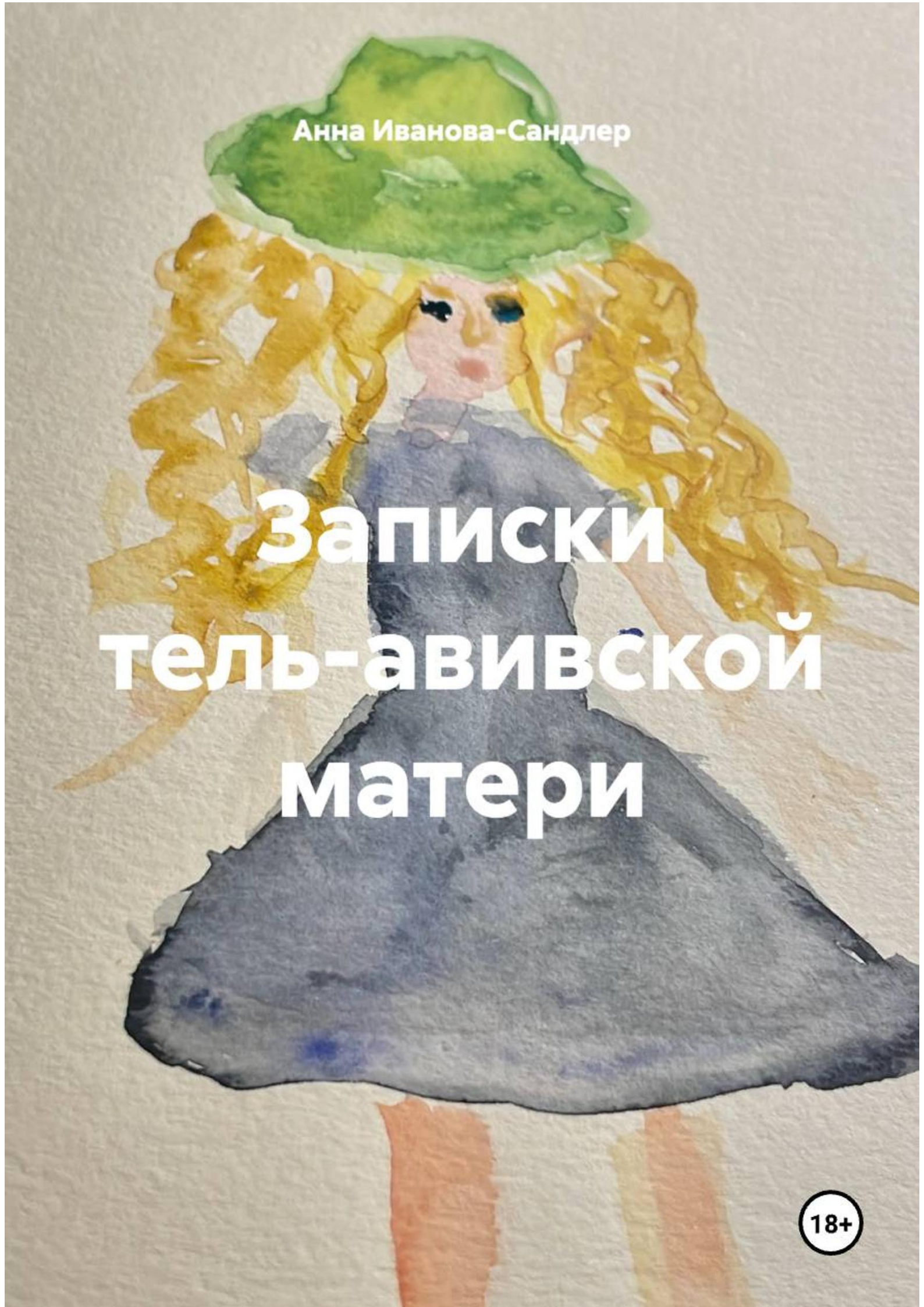

Анна Иванова-Сандлер

Записки тель-авивской матери

18+

Анна Иванова-Сандлер
Записки тель-авивской матери

«Автор»

2026

Иванова-Сандлер А.

Записки тель-авивской матери / А. Иванова-Сандлер — «Автор»,
2026

Записки на тему материнства. О материнстве, дочери, долгих прогулках с детской коляской, исцелении от онкологии, родительстве, пляжах, красоте природы, Тель-Авиве, Израиле, эмиграции, писательстве, отношениях, и путешествиях и природе и любви. Счастье, грусти, радости и поисках дома. Форма — заметки между делом, часто сделанные на ходу, одной рукой, пока катишь коляску.

© Иванова-Сандлер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Записка 1. Первая	8
Записка 2. Материнские рифмы, иерусалимские хокку	14
Записка 3. Любовь к стране	15
Записка 4. Овца Зинаида	18
Овца Зинаида	19
Записка 5. Материнские беседы	21
Молитва тель-авивской матери	22
Записка 6. Город свободы	23
Записка 7. Иерусалим	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Иванова-Сандлер

Записки тель-авивской матери

Предисловие

Я придумала эти записки в самом начале войны, 7 октября 2023 года, гуляя с трехлетней Марсией по бесконечно пустым детским площадкам Тель-Авива. Часто это заметки, сделанные на ходу, одной рукой, пока другой катишь коляску.

В том, чтобы писать, чтобы фиксировать эту реальность, вышедшую за рамки любой нормальности, я видела свое предназначение. Везде и всегда, где возможно было написать хотя бы пару строчек, – я писала. Думаю, когда человек не идет по пути своего предназначения, он начинает умирать. А я хочу жить.

Зарисовка первая

Сегодня 11 февраля 2024 года. Что ж, я начинаю.

Кажется, я стала забывать как это вообще – писать что-то длиннее сообщения подруге или пронзительного поста в инстаграм.

Искусственный интеллект рассказал, что сегодня родился Сидни Шелдон. Может быть это неплохой задел. Он написал 78 книг, из них как минимум десяток – бестселлеры.

Сварила джеззу горького израильского кофе. Пришел муж, мы прервались на утренний секс. Нечасто последнее время такое бывает.

Пока пишу эти строки – рождается название.

Каково это, быть матерью, писателем и женой? Или просто женщиной? Получится ли мой роман сплошь феминистским?

Я не Вирджиния Вульф. Она была писателем. У меня же на рассвете редкий секс с мужем, потом мы вместе ведем ребенка в сад, потом муж идет учить иврит на морской берег, а мне всегда ехидно предлагает выбор – пойти с ним к теплому морскому берегу или остаться в одиночестве писать роман.

Я открываю компьютер, пишу три слова и понимаю: в холодильнике фарш – надо приготовить, в стиралке достирались вещи – надо вытащить и поставить новую партию стирки. Еще подруги пишут. Хочется с ними погулять, но наши расписания totally не совпадают. Еще надо дочку забрать из сада, чем-то покормить, и что-то придумать с ней на вечер. А тормоза на велике как-то неблагонадежно скрипят...

Все эти задачи требуют много оперативной памяти, и, собственно, решения.

Иногда удается, с помощью самоанализа, психотерапии или банального доделывания дел и додумывания мыслей эти вопросы разрешить.

Додумывать до конца я научилась на випассане. Неделя строгого поста, молчания, медитаций, отказа от чтения и просмотра экранов гаджетов не оставили ни единой лазейки, что уйти от самой себя. Я проходила две випассаны, первую в год свадьбы, вторую за год до рождения дочери. Тогда мне казалось, что это сложно.

Сейчас такое время кажется невероятным, недоступным отдыхом – целую неделю молчишь. Ничего не готовишь, не убираешь, не придумываешь. Неделя наедине с собой на тропическом острове. Роскошь! Никто не зовет тебя мамой или даже по имени, никто не про-

сит надеть ботиночки или вытереть попу. Никто не обсуждает с тобой политику или тщету бытия. Никто и ничто не отвлекает от внутреннего потока. Главное, что всегда можно вернуться обратно в теплую любящую семью.

Родительство оно такое – постоянно приходится балансировать между всем.
Как будто идешь по ницшеанскому канату и даже балансировочного шеста нету.
Только руки, ноги, зубы и сверхсила материнской любви.

Любопытно, как восприятие боли меняет наше отношение к происходящему. И как разная боль по-разному влияет на то, как мы думаем об одном и том же.

К чему было все это предисловие? Все просто. Сегодня моя любимая дочь Марсия пошла в детский садик, впервые за три недели. И все свободные часы я провела за написанием романа.

Вот и отлично. Сейчас 14.55. Можно с математической точностью посчитать, сколько времени мне понадобится, чтобы написать роман в 167 страниц. А потом умножить получившееся число на 3 – по количеству членов семьи, и еще на коэффициент 1,5, чтоб учесть случайные обстоятельства. Эта странная формула только что выведена мной и не может являться эталонной. У меня получилось 69 дней. Не спрашивайте, как. Но есть измеримые результаты: сегодня, 11 февраля 2025 года, год спустя после написания основного текста, я дописываю и редактирую рукопись. Редактура оказалось процессом гораздо более сложным, требующим большей внимательности и включенности, чем само письмо. Спасибо моему редактору.

Записка 1. Первая

Брат спросил меня:

– Ты пишешь роман?

– Пишу, – ответил я.

– И я пишу, – сказал мой брат, – махнем не глядя?

Сергей Довлатов, Записные книжки: Соло на ундервуде

1990, Нью-Йорк

Оказывается, есть состояние тупняка, которое я обожаю. В нем так легко и приятно творить – нет этого чудовищного ворочения в груди, что что-то пойдет не так и все бесполезно.

Каждый текст – выражение мыслей, метод зарисовок реальности. Я соприкасаюсь словами со своими мыслями – рождается текст.

Для меня все еще вопрос, в какой форме писать этот роман, какой он будет на вид и даже по содержанию. Вопрос скользкий, правильные буквы ускользают.

Может быть, большой жанр не для меня? Может быть, лучше сделать бизнес? Придумала только что дело, которое могло бы мне подойти: нахожу квартиры и мебель, делаю там ремонт, пересдаю. И так по кругу.

Вся эта книга началась с двух вещей.

Первое – я гуляла со своей дочерью Марсией во время «Войны железных мечей» 7 октября 2023 года по пустому Тель-Авиву и не знала как быть и что вообще делать. Я в ужасе думала, куда же привезла своего прекрасного, маленького, сладкого, кудрявого трехлетнего ребенка? И рвала на себе только начавшие отрастать волосы.

Все, конечно, зависит от точки зрения: тварь ли я дрожащая или право имею? Думаю, что имею. Но игнорировать летающие над головой бомбы и падающие с небес осколки ракет как-то не очень получалось.

У меня есть боевая подруга. 6 октября мы провели один из самых мирных, теплых, совершенно прекрасных дней рождения, в абсолютно мирной и счастливой стране. Мы договорились утром выпить кофе. А утром проснулись от сигнала воздушной тревоги. Тут это называется *азака*.

Третье слово моей дочери Марсии на иврите было – азака.

С именем дочери, конечно, интересно получилось. Как-то я не учла, что Марсия – это еще и «боевая».

Дети – это дети. Им нельзя выставить условия, с ними можно либо применить силу, либо применить любовь и договориться, либо сдать свои позиции без боя.

Гуляя с дочерью часами по жаркому и пустому Тель-Авиву, мы нашли единственную площадку, где были другие дети. Бомбоубежище находилось на подземной парковке, прямо под площадкой. Буквально первый же родитель отвел меня на эту парковку-убежище. Через пару дней уже я показывала вновь пришедшей маме, где прятаться, когда прозвучит сирена.

«Где убежище?» Это был первый вопрос любого вновь пришедшего. В Израиле оборудованные комнаты безопасности — *момады* — есть практически в каждом новом доме. Если их нет — нужно спрятаться в подвале, если нет и его — отойти от всех стекол и встать на лестнице в середине дома. Если вы на дороге и нет ничего, нужно лечь на землю и закрыть голову руками. Если вы за рулем — нужно оставить машину на дороге и либо бежать в ближайшее укрытие, либо лечь на асфальт и закрыть голову руками. Однажды во время сирены я смогла припарковать машину с первого раза в очень узкое парковочное место. Вне экстренных ситуаций мне такая точность, увы, недоступна.

На детских площадках я проводила бесчисленные часы, наблюдая за попытками Марсии говорить с другими детьми. Когда она звала меня пойти вместе с ней попросить самокат, я сначала спрашивала на иврите у детей, потом искала их родителей и спрашивала у них. Так мы обе интегрировались. Наш первый, самый сложный месяц проходил под звуки сирен (*азакот*), притушенный смех детей и остекленевшие глаза их родителей.

Пишу эти строки медленно. Чувства очень глубоко. Нужен даив глубокой веры, чтобы позволить себе чувствовать это.

Там, на скамейке, я и придумала записки тель-авивской матери. В тот момент никого не было рядом, чтобы обсудить со мной хоть что-то из происходящего вокруг.

Недавно разговаривала со своим другом. Он оппозиционный журналист. Сейчас живет в Германии и занимается исследованиями искусственного интеллекта. После всего кошмара, случившегося в его жизни, от резкой эмиграции до положительного теста на ВИЧ, он пришел к тому, что медитирует, не употребляет, а главное — встает в 5 утра.

Дочка плачет, от того что у нее уже месяц по ночам болит ушко. Она так и говорит: «Мама, у меня ушко болит». Мое сердечко сжимается от жалости в эти моменты. Очередь к лору на три недели вперед.

Идея вставать в пять утра кажется мне невероятно привлекательной, хоть и сложно осуществимой. Это увеличивает мои шансы стать успешным писателем. Все остальное время чем-то занято. Но и его можно использовать для творчества.

В Тель-Авиве мы снимали одну из квартир в субаренду у бразильянки и израильтянки. С бразильянкой мы быстро нашли общий язык. По секрету она рассказала мне, что они планируют завести ребенка. Я спросила, кто из них хочет родить. Она ответила, что ее партнерка.

Мы посмеялись, что отцом стать суперкруто, а вот мать — адская работа.

В нашем писательском чатике мне посоветовали прочитать эссе норвежского писателя Уве Клаусгнарда. Эссе я не нашла, но прочитала выдержки из его текстов и статью о его очень откровенных романах.

В статье было написано, что он оставил свою жену одну с недельным ребенком и уехал в отель, чтобы дописать роман.

Матери, как бы она ни старалась, от младенца семи дней от роду не сбежать. (Пишу эти строчки под нестихающий и разрывающий душу плач моей страдающей дочери).

Первый раз я сбежала, когда дочери было три недели – на операционный стол, удалять отработавший свое аппендикс. После обезболивания и перед наркозом хорошо помню свою мысль – ну хоть посплю.

В палате было восемь пациентов, в том числе женщина, мать одиннадцати детей. Пожалуй с ее истории и начались мои разговоры с женщинами об их жизни и материнстве.

Она была единственной кто мог ходить по палате, потому что ее еще не прооперировали. Я рвалась побыстрее домой к своей трехнедельной Марсии, и для этого мне нужно было встретить хирурга, «гуляя по коридору». Чтобы начать ходить после лапароскопии, нужно было купить компрессионные чулки. Купить-то я их купила у женщины в медицинском халате. Но помочь надеть их она высокомерно отказалась. Мои мытарства с чулками длились долго. В итоге та самая женщина-мать из палаты подошла ко мне и предложила помощь. С благодарностью я приняла ее, и чулок был надет – как мне тогда показалось, взглядом. Я обалдела от скорости. Я и в здоровом-то состоянии сама на себя колготки так быстро не надеваю. Мы разговорились, и выяснилось, что у нее большой опыт заботы о человеке. Потому что она мать одиннадцати человек.

Воспоминания о родах были еще очень свежи, и я всерьез заинтересовалась, что значит родить одиннадцать.

– Мой муж пил, – начала она свой рассказ. А потом сходил с другом на *собрание* и пить перестал. Потом и я сходила. И как-то с тех пор наша жизнь изменилась, и я рожала деток, пока Господь давал.

Путем логических вычислений и аккуратных вопросов, я выяснила, что собрание было сектой адвентистов седьмого дня. Что впрочем совершенно не отменяет ее материнского подвига.

За надеванием второго чулка она рассказала, что у нее есть орден матери-героини, что она получает пособие на всех детей, что оформила свой уход за ними, как работу в домашнем детском саду, что старшей ее дочери 30 лет, а младшему всего семь.

Она 9 лет своей жизни была беременна.

Девять. Девять лет беременна.

И 16 лет в декретном, прости господи, отпуске.

Государство дало им большую двухэтажную квартиру. Жили они недалеко от меня. Семья у них дружная, все друг другу помогают, старшие сидят с младшими, а у совсем взрослых дочерей уже свои семьи. Одна из них – блогер в Инстаграме, ныне запрещенной в России организации.

Была еще куча интересующих меня в том момент подробностей, но они уже стерлись из памяти.

11 детей. Воистину, мать героиня.

Интересно, если бы женщинам в целом и мне в частности кто-то обеспечивал такие условия для работы и материнства, какие я и другие женщины создают своим партнерам, были бы мы успешнее и счастливее, чем сейчас?

Проснулась в 9 утра – муж адски грохотал посудой. Больше всего ненавижу просыпаться от громких звуков, еще с детства.

Лет с шести я подолгу жила у бабушки в центре Питера, ездила сама в школу на трамвае и автобусе или доходила пешком до Невского и садилась на автобус уже там. Я обожала жить

у бабушки. Там никто не ругался, не нужно было ехать в школу на метро или опаздывать вместе с папой на машине. Там было тихо, бабушка всегда помогала мне с уроками. У нее было какое-то волшебное четкое расписание для моих домашних, и у нее дома получалось сделать все: и телевизор посмотреть, и поболтать по телефону с подругами, а потом и с парнями. Телефон был стационарный, красный, с длинным витым проводом. Стоял на столике между двумя обитыми бархатом старинными креслами. Бабушка всегда готовила завтрак к моему пробуждению, и это было божественно.

Но вот будить она меня любила включив погромче радио на кухне. Как же я ненавидела этот звук. Уже будучи старше, я сказала ей, что утреннее радио делает мою жизнь ужасной, и она перестала его включать или стала делать это значительно реже. Раньше у бабушкиного дома всегда вкусно пахло ванилью и горячим темным шоколадом. Глубокий, успокаивающий, теплый запах дома. Сейчас на месте фабрики Крупской апартаменты бизнес-класса, и бабушки уже нет.

Муж со мной разговаривает по утрам в режиме перерыва между своими совещаниями. А мне все так же хочется тишины. Вся «утренняя нега» остается за скобками моей реальности. Уже давно я не просыпалась в хорошем настроении и в тишине. Не говоря уже о том, чтобы меня ждали вкусный красивый завтрак и горячий кофе, а не остывшая яичница или пригоревшая гречневая каша.

Теперь мне кажется, что встать утром пораньше – это невероятная благодать.

Да, попытки выйти из сумрака бывают разными. Смертельная болезнь, чтобы полежать в тишине – конечно! Реанимация – дайте две.

Лежа в реанимации, я ухитрялась заказывать обои в комнату, мебель, постельное белье, носки и трусы для мужа, подгузники и зимний комбез для дочери, подарки для друзей, еду домой. А еще координировать уборщиц и няню.

Среди вещей, которые все еще радуют по утрам, у меня есть кофейная пара – маленькая темно-синяя чашка и такое же блюдце с узором из золотых цветов.

Из родного Питера я привезла в эмиграцию не так много предметов, которые создают атмосферу.

Золоченая ручка, золотая каемка.

Узоры причудливой жизни.

Вчера собиралась поехать в Ашдод к подруге. Но муж по какой-то неведомой причине не повел дочь в сад. В итоге со мной не случилось два часа моей утренней рутины: кофе, писательства, звонков и просто банальной тишины, чтобы все продумать и собрать. С трудом запланированная двумя матерями поездка так и не состоялась.

Это материнское планирование включает в себя так много переменных и задач, не всякий военный стратег бы справился.

Мы снимаем в Тель-Авиве трехкомнатную квартиру в пяти минутах ходьбы от моря. Она стоит 2200 долларов в месяц. Примерно 40% зарплаты моего мужа. Мой собственный доход – 150 долларов. Это пенсия по инвалидности, которую я буду получать еще 4 месяца.

Я хотела оказаться в Израиле в течение десяти лет – с тех пор как училась тут на протяжении года дайвингу, а потом изучала иудаизм, еврейскую культуру и получала неформальное образование на молодежной программе «Маса».

Хороший был год – море, пальмы, тусовки.

Когда приехала в Эйлат – первые два месяца казалось, что я герой сериала «Спасатели Малибу». Вокруг была пустыня, на противоположном берегу скалистая Иордания.

Дисотеки, виски на пляже, вино в торговом центре и на центральной прогулочной набережной. Дайверы, дайвы, затонувшие корабли, огромная манта, коралловые рифы, зеленая кровь из порезанного на глубине 35 метров пальца, «неизвестная плавуность» имени меня. Попытки найти баланс.

Невероятные поездки неизвестно куда и с кем. Полная свобода воли, выбора, жизни.

Там я, кажется, много писала. Еще учила иврит, преподавала английский, ходила в спортзал, бегала по вечерам до египетской границы.

Кого-то любила, по кому-то скучала, с кем-то спала, с кем-то враждовала.

Наверное, я не была так свободна никогда больше – ни до, ни после.

Это было как снова оказаться в школе, только уже взрослой. Красивой, умной, раскрепощенной и абсолютно свободной – как от прошлого, так и от будущего.

Видимо, это и было то самое пресловутое состояние «в моменте»?

С одной стороны, материнство в эмиграции дается нелегко – тут только я и муж, некому «подхватить». Мы не можем сходить на свидание: некому побыть с малышкой в квартире, пока мы уйдем куда-то вдвоем. Мы не можем заболеть все одновременно и должны четко планировать свой график в зависимости от расписания детского сада.

Дочка еще слишком маленькая, чтобы отправить ее на кружок или секцию. На занятия по творчеству мы ходим с ней вместе.

С другой стороны, материнство тут дается легче.

Не нужно одевать Марсию в миллион одежек. Родители на площадке разговаривают не только о детях, но и о ресторанах, музыке, религии, политике. Тут есть приятные включенные отцы, а не только затраханые жизнью матери и алкаши, мнимые скамейками.

В Питере скамейки есть только на детских площадках. На улице так просто не посидишь.

В Тель-Авиве на детской площадке можно познакомиться с тайской женой религиозного эмигранта из России, франко-говорящей няней русскоговорящей трехлетки или симпатичным отцом из Лондона.

Тут все понимают и с благосклонностью принимают мои каламбурные попытки построить фразу хоть на каком-то иврите. Тут есть те, кто говорят на иврите легко и бегло спустя полтора года в стране, и те, кто все еще просит меню в ресторане на английском после десяти лет жизни в стране.

Запах Тель-Авива – это аромат морского бриза, ярких тропических цветов, мандаринов, запаха дыма и собачьей мочи.

Конечно, тут адски дорого. И утром у детского сада ты находишь аккуратно составленные рядом с помойкой винтажные деревянные стулья, выкладываешь в сториз, берешь их для друзей, а вечером покупаешь себе оцарапанную бэушную ИКЕЮ, не найдя на улице нужный размер мебели.

По версии Форбс, в 2024 году Тель Авив самый дорогой город мира.

Люди, которые живут в ТА или окрестностях – вынужденные миллионеры. Даже если они и не зарабатывают миллионы, то тратят точно.

Не знаю, собрались ли в Израиле самые умные, или самые глупые, но точно самые богатые и амбициозные.

Впрочем, с дороговизной жить можно. В Израиле есть две вещи, с которыми невозможно примириться – это Хамас и неработающий по субботам общественный транспорт. Резюмируя, можно оставить единственный, но всеобъемлющий пункт – война, которая может начаться с любой стороны и в любой момент. Все остальное решается с помощью денег. Шаббатный транспорт решается покупкой автомобиля. А не будет войны – могут упасть и цены. Хотя, конечно, вряд ли.

10 лет я думала, как и на что тут жить. Видимо, мой вариант – бомж-миллионер. Могу принести домой с помойки штаны и винтажную мебель. Могу купить килограмм красной рыбы по цене билета на самолет. Потому что могу. Золотой миллион поневоле?

Записка 2. Материнские рифмы, иерусалимские хокку

У меня получилось уехать.
Не в Ашдод, а в Иерусалим.
Режим тишины был необходим.

Он не восстал через три дня после убийства императором.
Не стал нынешним Иисусом.
А мы не станем новой нацией.

Машиах опять не пришел.
Он, наверное, перевел часы не в ту сторону.
Он удаляется от нас.

Я не понимаю реальности
Ее строгость и стройность ускользают от меня.
Кажется, вот-вот сейчас я познаю единого Бога и закон Всевышнего –
Пойму ядро мироустройства.
Из концепций и складок теорий.
Сложу единый мир,
Язык, который все поймут.

Даже в Лондоне нет королевы.
Одна королева умерла, когда стало ясно – я больна.
Другая королева ушла, когда новая я пришла.
Бабушка,
Так любила я тебя.
Мне дали второй шанс
Его я возьму и счастлива буду.

Записка 3. Любовь к стране

Как мать в «декретном отпуске», я не представляю, какая должна быть структура у этого романа. Как писать и о чем писать, чтобы хотелось писать и чтобы было интересно читать. Женщины так много берут на себя, так много делают и так мало ценят себя, что показать внутреннюю такого романа – это показать свою внутреннюю жизнь, в том числе материнскую.

17 марта 2024 прошли выборы президента РФ. Результаты были предсказуемы. Мы пришли с сестрой на избирательный участок в российское консульство Тель-Авива в 8.20 утра, простояли в очереди минут 40 и вышли, отдав свой голос за то, что считаем правильным.

В общем-то после этого воскресенье складывалось очень стремительно – проводила сестру в аэропорт и плакала пару часов от того, что она уехала, а я осталась одна в своем бушующем мире эмиграции. Без поддержки и мягкого тепла любимого человека.

К двум часам дня вернулась в Тель-Авив, забрать дочь из детского сада.

По плану этим собирался заняться муж, который отправился на избирательный участок сразу за нами, к половине десятого. Но очередь достигла критического размера и у него появились все шансы не управиться за 5 часов. В итоге он прибежал почти вовремя, вместе с мамой марсюшиного одноклассника. Запыхавшись, они рассказали мне, как пробирались сквозь очередь, как она забыла загранпаспорт и поехала обратно, а вернувшись обнаружила хвост волнующейся очереди уже у следующей улицы. Пробежав до заветной лесенки, она увидела Серегу. Только уверения в том, что он ее муж, позволили ей вклиниться в очередь.

Втроем, плотно склонившись над одним телефоном, мы смотрели на разрастающегося дракона очереди на выборы. Его хвост начал загибаться за угол, к площади.

Видео-ролики с призывами голосовать за Россию и радостное настроение человеческого дракона вселяли робкую надежду – вдруг, ну может быть.

Весь день мы смотрели новости, данные экзитполов, сториз друзей из других городов Израиля и других стран.

Вечером в гости зашла подруга, которая приехала к посольству к полудню и стояла очередь до восьми вечера, успев прыгнуть в последний вагон голосующих. Она говорила, что настроение людей было супер-радостным и что это стояние на набережной Тель-Авива стало одним из самых патриотических переживаний ее жизни.

Результаты выборов в России 2024 всем известны.

В ночи у меня случился гипертонический криз – давление 220/140. Кажется, это высоко. Мы попытались вызвать скорую, но в итоге отменили. Я поняла, что сил на это у меня нет. Муж неимоверно паниковал: давал мне телефон поговорить по-английски, потом на иврите, с трудом искал лекарства. Короче, испугался по полной, и не очень понимал, что со мной делать.

Накануне отъезда сестры мы пошли с ним погулять вдвоем. Это была странная прогулка. Свидание провалилось, как гнилой пол под прыгающими тодлерами: вышел разговор, полный взаимных обид и претензий. И, с невероятной, прозрачной ясностью, я еще раз увидела, насколько мы разные и как по-разному каждый из нас оценивает нашу совместную жизнь. Мне

захотелось разьединиться с ним, стать максимально независимой и свободной – от него и от кого бы то ни было. Я совсем не уверена, хочу ли встречать с ним старость. И осознаю, что мне не подходит его ритм жизни – слишком медлительный.

Отношения с мужем – странная штука. Все держится на невероятно хрупком балансе любви, обязанностей, долга и манипуляций. При этом когда мы работаем в команде – результаты просто ошеломляющие.

Голова после очередных выборов пуста. Вспоминаю Россию 2012-2013 годов. Я жила в Москве, работала, снимала небольшую комнату в центре, путешествовала всегда и везде, когда могла и не могла. Мир был радостным, открытым.

Или я была такой?

Я придумала стать писателем еще когда мне было пятнадцать лет. Я писала и читала каждую свободную минуту – в метро, на улицах, на переменах, дома. Много писала и читала. Все форзацы моих книжек исписаны заметками и мыслями. Проблема была лишь в моей неуверенности в себе: я не могла поверить, что кому-то будет интересно узнать мои мысли – ведь это всего лишь мои мысли. Просто мысли девочки из холодного города, продуваемого ветрами с мелкой моросью дождя. Из Петербурга. Теперь я верю в себя. Сила — в слове.

В Питере я родилась, умерла и родилась заново. Родилась у мамы, умерла от рака, и возродилась, словно птица Феникс.

У меня новая фамилия. Моей прабабушки. И моя мечта жить в Израиле все же на несколько шагов ближе, чем раньше.

Бабушка умерла в августе, и это самое болезненное и тяжелое переживание за всю мою жизнь. Бабушка – навсегда в моем сердце и воспоминаниях.

Проснулась в пять утра от боли в руках. Походила-побродила, села за редактуру. Прохладно, все спят. Можно спокойно писать в тишине еще часок. На завтрак у меня пол пачки чипсов и позавчерашний кофе с кипятком.

В Израиле есть много сложных, неудобных, непонятных моментов. Когда я была тут на «Масе» – думала, что понимаю Израиль. Прошло 10 лет, и я ничего не понимаю. Изменилась я. Изменилась страна.

Смотрели «Орел и решка»? Там двое ведущих приезжали в новую страну, в аэропорту подкидывали монетку и определяли, кто будет жить на сто долларов, а кто – с безлимитной карточкой?

Мне всегда казалось, что приключения того, кому досталось всего сто долларов, гораздо веселее.

В какой сейчас категории я?

Однозначно – бомж-миллионер, представитель уехавшей интеллектуальной элиты, золотого миллиона, которые уже потратили свои рублевые запасы, а шекелевые еще не накопили. Вопрос денег стоит у всех супер остро. В Израиле нам с моим мужем, тим-лидом и айтишником, не зазорно съесть кексик, заботливо выставленный кем-то на скамеечке.

Тот кексик мы нашли в одном из самых дорогих районов Тель-Авива. В закрытой заводской упаковке, даже с игрушечной маской внутри. Праздничный пуримский кекс. Там мы сни-

мали квартиру по цене стильной мансарды на Крестовском острове. Все детские вещи нам подарили, или мы сами нашли их бесплатно.

В Израиле можно прийти в пятикомнатную квартиру за бешеные деньги, и она будет завалена всякими штуками, найденными на помойке. Мы с подругой называем это «Free Tel-Aviv Sale».

Некоторым русскоговорящим эмигрантам, на вопрос откуда у меня та или иная вещь, отвечаю, что подарили тель-авивские друзья. Что ж, в целом, это правда. Даже велосипед, задорно выкрашенный нами с Марсией в модный цвет тиффани мне подарил странного вида дедушка, выносивший его на помойку.

Записка 4. Овца Зинаида

Вчера одна из голов моего Змея Горыныча напомнила мне, что я уже давно не дилетант в писательстве. На меня снизошло, что я могу не приbedняться. Писать как есть – во всю силу опыта и возможностей. Из песни слов не выкинешь – 4 года журфака, 15 лет работы журналистом и редактором. Тексты, изданные эссе, своя колонка о евреях по всему миру. Маркетинг, коммуникации, связи с общественностью и даже работа телесным терапевтом – все это о человеческих историях, так или иначе облеченных в слова.

Поэтому быть тут ещё одной книге.

О приключениях овцы Зинаиды. И ее знакомца, козла Олега.

Овца Зинаида

*Овца Зинаида пришивартовала борта
Сегодня травы зеленой
три пуда ухватила она*

*Жила Овца Зинаида совершенно одна
И вдруг повстречала она – козла
Олега.*

*Эротический роман
мог бы быть здесь
но нет.*

*Овца Зинаида сказала козлу
– Тебя, о мой мудрый, так сильно люблю*

*Но вот беда у Олега козла
Сердечная чакра совсем не та*

*Была безутешна Зинаида Овца
Ходила, бродила, мычала она
Но вдруг трын-траву у дороги нашла*

*Слизнула, сжевала и дальше пошла
Такою тропой она
Не надо теперь никакого Олега Козла!*

*Долгий путь к счастью
Прошла овца
В разных странах пожила Зинаида*

*Много видала, пять языков узнала
И вот к счастью пришла
Дом построила и в нем зажила*

*Романы писала,
Уют стерегла
Сад красных роз завела*

*Потом повстречала Барана Иа
И от него
Трех ягнят родила*

*Иа был хороший баран
Однажды его чуть не съел шакал
Но он лягнул его и сбежал*

*Иа жизнь ценил, водки не пил
И Зинаиду овцу
беспросветно любил*

*И стали они жить поживать,
рожать все новых и новых ягнят
Открыли ферму*

*Стали сыр продавать,
да пьяный кефир в подполе
гнать*

*Козел Олег
Так козлом и остался.
Истинной жизни так не познав
Ушел он бродяжничать в диких горах*

*Однажды увидел он ферму Овцы Зинаиды
Пришел к ней
Но какое с козла молоко?*

*Когда в ночи пишешь роман и понимаешь, что выбор стоит между искусством и сном,
надо выбирать сон.*

*Но я выбираю искусство.
Поэтому Овца Зинаида останется с нами.*

Записка 5. Материнские беседы

На пути мне часто встречаются истинные учителя, и я беру максимум от каждого. Интересно, чему они учатся у меня?

Пока пишу эту книгу, постоянно разговариваю с людьми. С женщинами и их детьми. На берегу живописнейшего озера Больсена я говорила с англичанкой из Лондона, живущей в Риме. У Стены Плача свою историю мне рассказывала ортодоксальная еврейка из Канады. На детском дне рождения в Тель-Авиве, где я была знакома только с Марсией, мы говорили о материнстве с немкой, живущей половину времени в Мюнхене, а вторую с мужем в Израиле.

Я говорила с матерью, решившей жить в России; с женой харидимного еврея, невольной матери двоих; с храбрейшей из женщин, решившейся на ЭКО в 40 лет и без партнера. Говорила с отцом, жена которого трагически умерла, когда их дочери было 10 месяцев. Расспрашивала отцов, с которыми дети живут, и матерей, которые приходят к своим детям каждый день. Сотни микро разговоров о том, что такое родительство. Все эти люди говорили мне многое, разное и схожее. Но главное – в их словах было много о любви.

Оставляю вопросы, которые я им задавала, тут, чтобы каждая женщина могла спросить себя о себе.

Чему ты учишься у себя?

О чем ты любишь говорить с собой?

Какое твое самое любимое дело наедине с самой собой?

Что ты больше всего любишь в себе?

По чему ты больше всего скучаешь из своей жизни до детей?

Чему новому научили тебя твои дети?

Что ты больше всего любишь делать со своими детьми?

Что ты больше всего любишь делать в любой ситуации и в любом окружении?

Твой спасательный круг?

Чему ты учишься у меня?

О чем тебе нравится говорить со мной?

Молитва тель-авивской матери

Щелчок зажигалки.
Щелчок кольца, отрываемого от банки кока-колы зеро.
Щелчок – дверь закрылась, будто затвор автомата.
За ней – плачущие глаза дочери.
Отвела ее в детский сад утром.
Не знаю, как муж это переживает.
Нужно становиться и оставаться эгоистом,
Чтобы выпарапать время на жизнь,
Чтобы любить своих детей.

Господи
Сегодня ты говорил со мной
Спасибо, Господи
Сегодня я получала ответы от тебя
Спасибо, Господи
Спасибо за сегодня.

Быть с детьми – это привилегия.
Вот что я поняла в Тель-Авиве.
Смысл – на границе контакта с реальностью.
Бог – это глагол.

Записка 6. Город свободы

Сегодня виделась с четырьмя тель-авивскими матерями.
Все они русскоговорящие.

В Израиле у меня есть только одна подруга с ребенком, у которой нет партнера. Ей 41 год. Она выбрала осознанный путь соло-материнства, сделала ЭКО и родила.

Такая храбрость меня невероятно поразила. Как и отчаянность этого поступка. Она сказала, что всю жизнь мечтала о семье и детях, и к 40 годам поняла, что подходящего для этой цели партнера так и не встретила. Тогда она и решилась на ЭКО.

Я видела ее сына, когда ему было три месяца. Невероятно красивый малыш. С глубокими голубыми глазами, смотрящими куда-то в точку сотворения мироздания.

Она всегда мечтала о большой семье, где будет много детей. Она планировала родить первого ребенка, а спустя год сделать второе ЭКО и растить уже двоих.

Она гражданка Израиля и Германии. В Германии человек, не имеющий партнера, не имеет права на ЭКО, а в Израиле имеет. С началом войны 7 октября она уехала с сыном к родителям. Одной с трехмесячным ребенком и собачкой сложно выбегать из квартиры по 6-8 раз в день в *мамад* или *миклад*. *Первое* – «бомбоубежище», *второе* – «подвал», который в израильских домах строится так, чтобы можно было прятаться от бомб и осколков.

Вторая подруга уже десять лет вместе со своим партнером-израильянином. Она беременна. Говорит, что пока не родила, еще не мать, но это не так. Когда только узнаешь, что внутри тебя зарождается жизнь, женщина меняет свое поведение, порой, незаметно от самой себя.

Еще две женщины, с которыми мы общаемся, – мамы марсюшиных друзей из детского сада.

Задаю им разные вопросы, например: «Каково это, растить ребенка в одном из самых дорогих городов мира»?

В Тель-Авиве и правда живут только богатые люди.

Цены на все – высокие. Приятель из Шлиссельбурга увидел очередь в одном из центральных ресторанчиков и предположил, что там, наверное, дешево. О нет, ответила я, там просто вкусно. А дешевого тут ничего нет.

Ты покупаешь или то, что хочешь, или просто самое дешевое, потому что разницы в качестве скорее всего нет. Или она незначительна.

Тель-авивская мать из Рамат Гана (он считается другим городом, но фактически – это район Тель-Авива) считает, что в Тель-Авиве надо жить семьей.

Другая мать, живущая в Израиле больше 30 лет, говорит, что этот город – идеальный для того, чтобы растить детей. Здесь сотни прекрасных городских праздников, в том числе бесплатных уличных. Здесь море, пляж, зелень и великолепные детские площадки, освещенные и днем, и ночью.

Здесь хорошая погода с сентября по июнь. Зимой два месяца идут дожди, и становится похоже на наше питерское лето и начало осени. Июль и август очень жаркие, и можно уезжать в Питер смотреть на озера и окунаться в прохладную зелень сосновых лесов.

Когда я приезжала в Израиль в прошлый раз, я провела лето в Иерусалиме. Это горный город, вечерами там много прохлады, ветров.

Мне нравится отношение к детям в Израиле. Им все рады, они могут вести себя как хотят и выражать свои чувства, как им нравится. В основном, конечно – громко. Здесь они растут свободными.

Записка 7. Иерусалим

Мы в Иерусалиме.

Мое материнское время складывается довольно странно. У меня все время будто связаны руки. Хотела написать – заняты, но они именно связаны самыми настоящими узлами шибару. Пора развязать себе руки. Что я и делаю, публикуя этот текст и живя свою жизнь.

Мое материнское время – очень дорого. Оно растянуто и бесконечно.

Я в самом древнем городе и столице мира, с дочерью и мужем

Это первое наше совместное путешествие по Израилю в качестве новых репатриантов. И в качестве семьи.

В аэропорту Израиля нам сразу выдали общий паспорт на всю семью. А еще нам с мужем сделали общий счет в банке. Здесь семья – это нечто особенное.

Израиль какой-то невероятный. Земля, где пространственно-временные переходы связаны в плотный клубок. Этакie черные дыры истории, культуры, религий, территорий и календарей. По еврейскому календарю сейчас, например, 5784-й год. В иудаизме используется солнечно-лунный календарь: здесь месяцы лунные, а год обычный, составляющий один оборот Земли вокруг Солнца. Считается, что такое летоисчисление ведётся от начала сотворения мира, и потому оно является официальным в Израиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.